

ВЛАДИМИР ЗУЕВ

ЗОЛОТОЕ
ЗЕРНО

Владимир Зуев

Золотое зерно

«СУПЕР Издательство»

2019

Зуев В.

Золотое зерно / В. Зуев — «СУПЕР Издательство», 2019

«В этой книге – только немногие выдержки из всего объёма записанного. Остальное – в других книгах. Попробуйте своим Лучом Внимания, идущим от Сердца, вникнуть в текст, в рисунок, в схему, в Образ, как в самого себя. Прочувствовав, а потом – осмыслив всё... И, если найдёте Созвучие и захотите – примените в повседневной Жизни...»

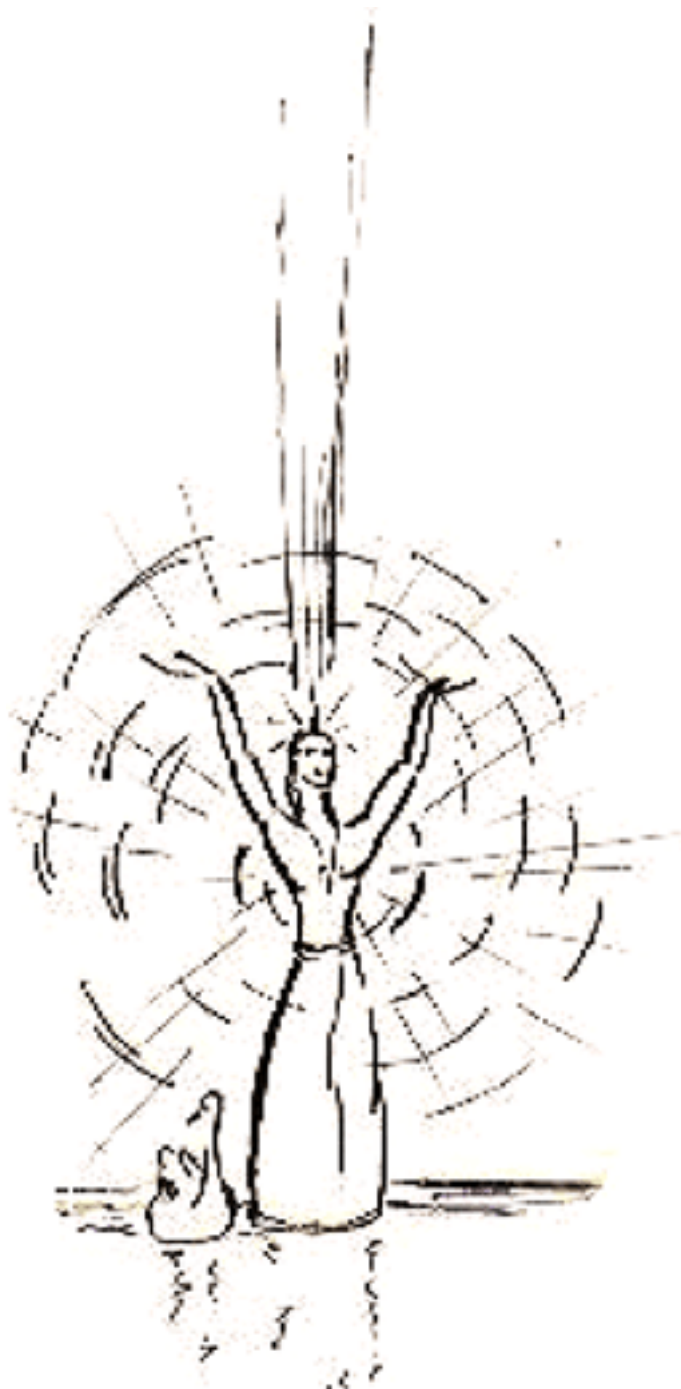
Содержание

Обитель Света – «Жемчужина...»	7
Сокровенное	14
Сокровенное	15
Приближался час рассвета	20
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Владимир Зуев

Золотое зерно

И каждую минуту, как Витязь на перепутье, выбираем направление. На каждой Дороге жизни – свои уроки и семена, свои встречи.

*...Дитя моё, моя родная Книга... Уж столько лет тебя мне
предрекали, Вопросами сомненья бередя. А я растила бережно в начале,
В Душе своей лелеяла тебя...*

Ирина Юрьевна Лекарчук-Смышляева

Слова Христа: «Я сказал: Вы Боги и Сыны Всевышнего все вы».
(Псалом 81.6.)

Я искал Тебя, и то, во что верил, я хотел видеть глазами разума...
Августин Блаженный

Я всего лишь искатель Истины и Жизни в Боге, а не Учитель.
Николай Бердяев, «Самопознание»

Мир един – способы познания его разные. И с несовершенными способами познания нельзя проникнуть в то, что доступно только совершенным способам.
П.Д.Успенский

...Можно услышать ЗОВ... И последовать за ним.

«Жажду ЖИТЬ! ЛЮБИТЬ!

Соединить разрозненные части Единым Апофеозом Истины». «...»

«Оставьте в покое недостатки, и развивайте достоинства свои!».

Если нет ни внутренних, ни внешних чувств-ощущений, то нет и никакого Побуждения к Действию.

Именно чувства и ощущения – первая и самая мощная Сила, побуждающая к Действию...

Обитель Света – «Жемчужина...»

Под Небом бездонным,
Над облаками поднявшись
Вершиною к Солнцу,
Гора Вековая, покрытая снегом, Стоит.
Как Страж на Дозоре,
Как Путников светлый маяк,
Призывом являясь для тех,
Кто Зов её Сердцем услышит
И сможет подняться
По кручам, скользя.
Дорога открыта для всех,
Сумей лишь увидеть её
И к верху подняться –
К ОБИТЕЛИ СВЕТА.

Морева М.Н.

В этой книге – только немногие выдержки из всего объёма записанного. Остальное – в других книгах.

Попробуйте своим Лучом Внимания, идущим от

Сердца, вникнуть в текст, в рисунок, в схему, в Образ, как в самого себя. Прочувствовав, а потом – осмыслив всё... И, если найдёте Созвучие и захотите – примените в повседневной Жизни...

За каждой буквой – Образ свой, за каждым Словом – Череда из образов и Смыслов. За каждым Текстом – Жизнь.

Каждая Буква имеет своё написание, смысловое значение, звук, ритм, цвет, запах, по-особому движется, изменяется и тогда из неё образуется другая Буква, которая, в свою очередь, неповторимыми многомерностями стыкуется с другими Буквами...

...«Стекольную крошку» всегда труднее выметать, чем вытащить целое «стекло». Труднее и опаснее...

Всегда лишь Быть, а не «казаться».

Всегда Вперёд идти, а не «топаться». Всегда вести всех за собой, А не ползти окольными путями.

И помнить о своей Начальной Сути!

Весну Душою чувствовать,
И другим Любовь нести, цветами
Украшая Путь. Идти легко, светло!
И видеть только Радость там,
Где раньше «тени» были.

– *В тексте намеренно, в отличие от «общепринятого», в некоторых словах вместо «бес» записано «без». Осознанная замена буквы и звука «С» на букву и звук «З» принципиально меняет Образ и Смысл Слова и Текста. Особенно это видно при «раздельном» прочтении, коренном. Например: бессмертный... Или: Безсмертный (человек).

Так записывали до 1917 года, по старым правилам правописания...

Здравы будьте, читатели! Все вы – желанные гости на этих страницах, и я благодарен за все ваши визиты сюда.

Чуть о себе: родился в Питере, тогда – в Ленинграде, в 1950.

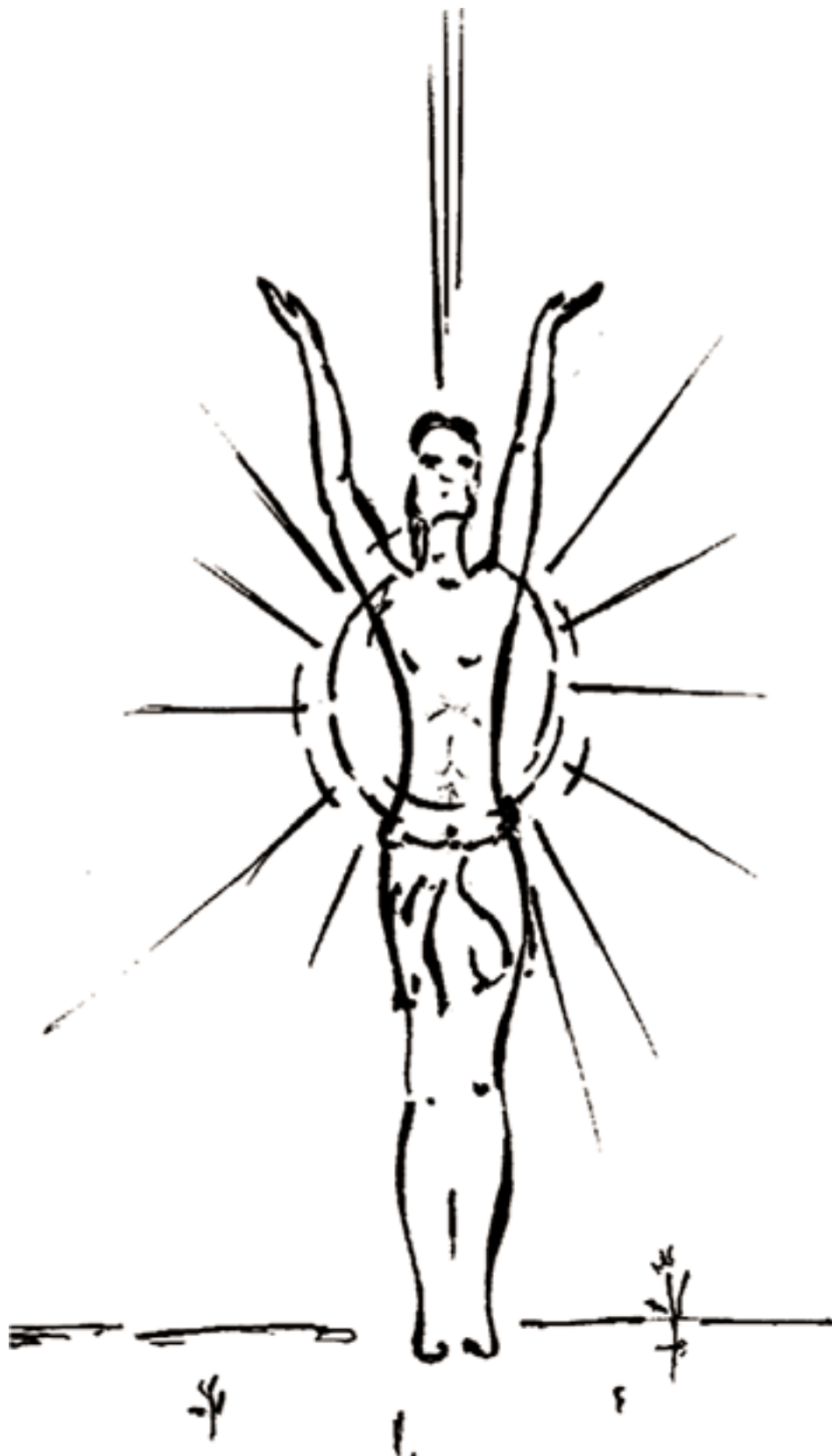
Бывал на Урале, в Крыму и Карпатах. В Архангельской области (не самой северной части). В Карелии часто, по Северо-Западу пешком довольно много протопал. Сейчас «осел» в Лужском районе, в «оазисе». Осваиваю потихоньку. Планов – громадье, хоть уже за ...

Писать и иллюстрировать начал довольно поздно – в девяностые.

Все произведения во многом автобиографичны, хотя некоторые могут показаться «фэнтези». НО!

Кому – сказка,
Кому – СКАЗ,
А кому и пособие.

Очень интересно ваше «видение» творчества!
Это помогает в работе, да и в Жизни

Очень интересно ваше «видение» творчества! Это помогает в работе, да и в Жизни.
С первой частью работало четыре человека. На бумагу перенесла РИНА С...
Дух волнуется, но будьте мудры.
Лучшее знание – сердце.

“Л. С. М.”

Смириться с уготованной тебе ролью – значит сразу, окончательно и безповоротно* признать себя поражённым. Это значит опустить руки и сдаться без боя, отрезав все пути к победе. Истинное смирение всегда требует высокого подвига, высокого служения, высокого горения Духа. Оно всегда безгранично, ибо тот человек, который начинает поиск, рано или поздно придёт к истинному смирению. Нет пределов этому чувству, нет ничего прекраснее на Земле. Ибо красота подвига всегда безмерна, всегда прекрасна. Вот что означает истинное смирение. С радостью жить, созидать, трудиться, забыв о себе и служа другим, не думая об этом, не ожидая награды, а только даря себя бесконечно*, всем вокруг. Вы скажете, это не возможно. А я скажу вам: нет ничего невозможного. И сколько таких высоких и светлых подвижников воплощалось во все времена на Земле. Они были, созидали, творили, жили мужественно, с истинным смирением и свет их неугасимых сердец озарял весь мир, и долго ещё после их смерти не гасли светильники, зажжённые ими, указывая дорогу во тьме. Их подвиг был безграничен и не оценен, как зачастую бывает. Ведь в обычной жизни ценится только внешний блеск, а не внутренняя красота человека. Люди напрочь забыли об этом, живя и прозябая в мире расчёта, грабежей, насилия, лжи. А ведь подобное притягивает подобное.

Так более продолжаться не может. Когда-нибудь наступит время, которое потребует ответа от всех и полной мерой. Нужно будет отдать долги. И время это близко, оно приближается с каждым днём неудержимо. И никто не в силах остановить его стремительный бег. И что бы ни случилось, оно наступит. Только вот чем придётся отдавать свои долги? Это вопрос первостепенной важности, ведь деньги здесь не ценятся и земные блага тоже. А ценится прежде всего честь, смелость, решительность, безкорыстие*, мужество, доброта, преданность и вера в людей, любовь и истинное смирение, служение людям.

Но где их взять, если вместо Сада Прекрасного взрастили в своих душах чёрные ростки и теперь пожинают их плоды? Как же быть нам, людям Земли, забывшим о своем высоком предназначении и живущим одним днём? Что делать? Ведь от ответа не уйти никому. Что мы скажем, представ перед Высшим Судьёй, в своё оправдание? Да, нам будет нечего сказать. Это будет тягостное и невыносимое молчание, заставляющее наши сердца содрогнуться в ужасе от содеянного. Но будет поздно, ведь всему приходит Свой Срок. Неудержимым потоком день и ночь на Земле идёт работа. Сотни незримых тружеников, объединённых общей любовью своих сердец, общим мужеством, общей ответственностью за Землю и людей, трудятся, чтобы успеть к сроку. Приближается время, когда уйдёт всё старое, уступив место радости творческого труда, созиданию, гармонии. Не все увидят его приход, который уже возвестили дозорные, стоящие на снежных вершинах Земли и встречающие приход Нового Времени. Уже слышны по планете шаги Грядущего, остановить которое никто не в силах. Нужно торопиться, чтобы успеть многое сделать до его прихода. Ведь никогда не поздно, стоит только по-настоящему, всем сердцем, захотеть и тысячи помощников тут же незримо протянут вам нити своих сердец, своей любви, чтобы помочь вырваться из плена Иллюзий.

Час этот настал. И битва началась Последняя, жестокая. И последствия её для многих, живущих в расчёте на то, что “авось” пронесёт в тысячный раз, будут непредсказуемы и ужасны. Нужно, отринув всё мешающее, помочь Земле и людям, забыв о себе, с истинным смирением взять эту ношу на плечи и нести её добровольно, не боясь ответственности, не смущаясь никакими трудностями. Мы призываем вас к Подвигу. И верим, что Зов наш будет услышан многими. Осталось сделать лишь маленький шаг: поверить в себя, в собственные силы, ринуться в бой со всем отжившим, тёмным, встречая с радостью приход новой Эры, нового времени. Имя которому: Будущее.

Надо только, распахнув свои сердца, устремиться неудержимо вперед, забыв о себе во имя самого светлого и прекрасного, что есть на Земле, в Космосе, в Безпредельности*. А это

так трудно. Но иначе невозможно. Иного Пути нет – только через собственное Сердце, преодолев себя, можно чего-то достичь.

Вперёд неудержимо стремятся наши Сердца, воспевая, славя, благословляя приход Нового Времени, которое дарует Великое Освобождение.

Шлю вам живую воду, промыть очи и уши, и чудо претворится, и явится мост красоты в новый путь.

“Л. С. М.”

В то утро, идя на работу, я неловко оступился, упал и ушиб ногу. Падая, на склоне горы заметил вход в пещеру. Павел Иванович, которого все звали Доктором, не разрешил мне задержаться и осмотреть её, и был прав. К вечеру нога распухла и я с трудом вернулся в лагерь, отвергая предлагаемую помощь.

Два дня помогал Ане готовить обед, прыгая на одной ноге и, скорее всего, только мешая ей. А когда мне стало немного лучше, пошёл на работу, взяв с дяди обещание, что мы непременно осмотрим пещеру в этот же день. Моё разыгравшееся воображение рисовало одну картину заманчивее другой. Но, потратив на поиски пещеры около часа, мы ничего не нашли.

– Может быть, ты за пещеру принял что-то другое? – высказал предположение дядя.

Я был убеждён, что не мог ошибиться. И мы решили ещё раз подняться по крутому склону высокой горы, поросшей кустарником, с удвоенным рвением осматривая всё вокруг. Дядя шёл немного в стороне, Доктор же отстал.

Вдруг, прямо передо мной сильный порыв ветра пригнул колючий кустарник, неожиданно открыв вход в пещеру. Крикнув дяде, я заспешил к ней, обогнув кусты и, войдя, долго ждал, чтобы глаза привыкли к темноте. Но разглядеть что-либо мне не удалось.

Пришлось выйти из пещеры и дожидаться Доктора, который с трудом поднимался к нам и, дойдя, присел отдышаться. Он был недоволен и не скрывал этого.

– Ну что, ничего не нашли? – допытывался он у нас. – Я так и знал. Заставили старого человека лезть бог знает куда – глядишь, альпинистом станешь!

Его ворчливый тон меня рассмешил – я знал, что Доктор по-настоящему не умеет сердиться.

– Ты лучше скажи нам, фонарик у тебя? – вкрадчиво спросил его дядя.

– Да, а что? Неужели нашли?

И он, не усидев на месте, быстрее нас ринулся вперёд. Мы поспешили за ним.

Длинный коридор, постепенно сужаясь, расходился в разные стороны, и мы, не стовариваясь, повернули направо. Мы вошли в большой зал овальной формы с высоким потолком. В центре зала на возвышении стояла каменная чаша.

У меня появилось ощущение, что мы там были не одни. Словно в ответ на мои мысли, я услышал тихое-тихое пение, слов нельзя было разобрать. Подумав, что мне это показалось, я продолжал рассматривать заинтересовавшую меня чашу, выполненную с большим мастерством. Но пение стало громче, и уже явственно слышались необыкновенно красивые мужские голоса. Они исполняли гимн, торжественный, сдержанный, в котором чувствовалась небывалая сила и мощь. Меня пронзил трепет – это вступили женские голоса. Они внесли столько мягкости и нежности и придали пению такую выразительность и законченность, что я застыл, весь превратившись в слух.

Пение затихало и, когда прозвучали последние звуки, зазвонили колокола. Их переливчатый, радостный звон раздавался так громко, осязаемо, что я огляделся вокруг, пытаюсь понять, откуда звон, и увидел, что в пещере стало светло. Серебряные и золотые светящиеся нити переливались вокруг, то, исчезая, то, вспыхивая вновь, становясь ярче. Перед нами появилась немного размытая, нечёткая высокая человеческая фигура в белоснежном плаще, опирающаяся на посох, закрученный на конце в большую спираль, от которой во все стороны брызнул такой яркий свет, что мне показалось, будто я ослеп.

Только спустя некоторое время я решился открыть глаза, но ненадолго – мне было больно от нестерпимого блеска. Весь наполненный новыми для меня ощущениями и не умея их объяснить, я растерянно оглянулся в поисках дяди и Доктора и, увидев их раскрасневшиеся лица и радостные улыбки, немного успокоился. Лишь тогда я почувствовал, как пылают мои щеки, а в груди как будто горит огонь.

Стены пещеры раздвинулись, потолок исчез, и я оказался перед высоким овальным столом с куполообразной крышкой, по бокам которого в высоких подсвечниках горели свечи. На меня смотрели необыкновенно красивые, но вместе с тем строгие, и даже суровые, лики трёх старцев с белоснежными бородами, глаза их сияли неземной любовью и добротой. Заглянув в них, я склонился в глубоком поклоне, испытал сердечный трепет, более сильный, чем в первый раз. Когда я поднял голову, то увидел, что со стола исчезла крышка, и перед моими глазами всего лишь на секунду появился ослепительный камень необыкновенной формы и красоты, взглянув на который я испытал сильную физическую боль, но она была несравнима с теми легкостью и радостью, которые переполняли меня. Я почувствовал, что становлюсь невесомым, казалось, ещё немного, и я взлечу. Эта смена ощущений была настолько сильна и непривычна, что я с трудом устоял на ногах и наверняка бы упал, если бы меня не подхватили сильные руки. Немного времени спустя я увидел, что рядом со мной стоит дядя, больше в пещере никого не было, лишь мягкий свет струился и переливался вокруг, подтверждая, что это был не сон. Я заметил, что в высокой чаше горит огонь.

Мы покинули пещеру, не говоря ни слова, и присели тут же на земле, недалеко от входа. Прошло время, прежде чем я обрел способность вымолвить слово, с удивлением смотря на дядю и Доктора, узнавая и не узнавая их. Глаза их сияли, переполненные такой любовью и добротой, что я физически ощущал идущее от них тепло.

– Что это было, дядя? – спросил я взволнованно.

– Ты можешь теперь видеть Духовным Зрением, Алёша, – объяснил он мне, – это было видение, тот Дар, который открывается подготовленному сознанию, способному вынести всю красоту форм и совершенство красок, недоступных обычному земному зрению.

– А я подумал, что это плод моей фантазии, – ещё не до конца придя в себя, сказал я, чем их рассмешил. – Значит, и вы видели то же самое. Высокую фигуру в белом, старцев, этот камень, от которого я чуть не ослеп...

– Не совсем, – улыбнулся дядя, – фигуру – да, а старцев и камень показали только тебе. У доктора больше развито так называемое чувствознание, и он прочувствовал всё сердцем.

– А что мне теперь делать, как быть?

– Ты готов к большой работе, Алёша, – продолжил дядя.

Я слушал его внимательно, чувствуя, как каждое слово западает мне в душу.

– Но ты должен помнить, что не имеешь права использовать этот Дар в корыстных целях, чтобы не причинить кому-либо вреда. Только помогая людям, открывая сердце и отдавая всю свою любовь, ты можешь идти вперед, совершенствуя свой Дух. И другого пути отныне для тебя быть не должно.

День клонился к вечеру, когда мы вернулись в лагерь. Я был молчалив, боясь неосторожным словом нарушить торжественность, безграничное счастье и внутренний покой, которые переполняли меня. Заново переживая увиденное, я интуитивно чувствовал, что с этого дня у меня начинается совершенно другая, необыкновенно трудная жизнь. И размышлял о том, достоин ли я этого доверия...

Уже позже, дядя в красках, а я в словах описали Доктору всё то, что мы увидели в пещере. И наши ощущения были очень похожи: те же трепет, торжественность и радость.

Так началась наша экспедиция.

Сокровенное

Когда-нибудь ты достигнешь этих высот, к которым так неудержимо стремится твой Дух. Однако запомни, что путь этот долог и приготовь себя идти без усталости годы, десятилетия, ни разу не усомнившись в правильности выбранного однажды Пути, положившись исключительно на своё сердце, чувствознание. Многие ты не сумеешь объяснить, многое будет сокрыто и незримо для твоих физических глаз, но не духовных. В Духе нет ничего невозможного, недостижимого, нереального. Именно в Духе всё осуществимо, нет никаких границ и предела. Пусть однажды зажжённая тобой свеча горит всё это время ровно, не погаснув, освещая весь мрак на Земле, вокруг, притягивая к себе всё чистое, возвышенное, озаряя и помогая тысячам и тысячам заблудших Душ, бесплодно пытающихся найти тот единственный, верный Путь. Ты укажешь им эту дорогу, поможешь, но исключительно добровольно, не насилуя ни одно неготовое сознание, не навязывая никому свою Веру и Истину. Ибо невозможно слепому объяснить все краски раннего утра, объяснить красоту, которую он ни разу не смог увидеть. Поэтому следуй за мной, забыв о себе, творя вокруг посильную помощь, не выпуская из рук моей ладони. И только так дойдёшь, а не иначе. Смело смотри вперёд в будущее, дерзай. Открой миру своё сердце и отдай всю свою любовь.

Сокровенное

Кто постигнет этот Путь? Кто увидит его дали? Тот помчится по нему быстрее степного ветра и увидит суть вещей. Они будут открываться постепенно, помогая жить и совершенствоваться духу. Ибо путь этот безпределен, нет ему конца и края, а начало уходит так далеко, как дерево корнями в прошлое. И трудно определить, когда всё это началось...

То ли пение первых петухов на рассвете, то ли нежная улыбка матери, да кринка парного молока заронили в твою душу первые ростки. То ли лишения, бедствия помогли преодолеть тебе эту ступень, то ли ты услышал из уст друга какой-то рассказ, не то легенду, не то быль, и она потрясла тебя, лишив покоя и сна.

Неважно, мой друг, с чего начался этот Путь.

У всех по-разному, но это не имеет никакого значения, поверь. Важно другое: ты однажды ступил на эту дорогу и продолжаешь идти по ней ежедневно, ежеминутно, преодолевая себя, проходя мимо тысяч соблазнов, оговорок, осуждений, унижений, нареканий. Тебя давно мало кто понимает. Кто-то солидарен с тобой в глубине души, но откладывает день ото дня встречу с тобой на этом Пути, ему всё некогда. Некогда собраться, взять себя в руки, начать жить по-другому. А время летит, не терпит. И вот уже прожита жизнь, за ней следующая канет в лету, а он всё никак не может решиться...

И ты идёшь один. Остаются за плечами годы, города и страны, друзья, близкие, родные, а ты всё идёшь. Ни к чему не привязываясь, никого не отталкивая, ничему не преклоняясь и учишься, учишься ежедневно, преодолевая ступень за ступенью и чем больше ты прошёл, тем больше у тебя их осталось...

Тебе открываются иные миры. Звездное небо шлёт тебе свой луч приветов. Оно не такое уж безмолвное, и там так много друзей, стоит их только услышать и протянуть руку...

Ты потихоньку начинаешь понимать язык птиц, зверей, деревьев. Ты начинаешь разбираться в людях, их судьбах. Они тебя не удивляют, ты прекрасно знаешь цепь причин и следствий. Ты уже знаешь многое по сравнению с остальными людьми и всё же только чуть-чуть. Ибо узнать предстоит ещё больше.

И вот ты встречаешь на своём Пути единомышленников, близких тебе по духу людей и вверяешь им свою судьбу. Вы идёте теперь вместе, вам легко и радостно, вы постигаете дружбу, учитесь на ошибках друг друга, познаёте мир. В вашей дружбе много светлого, она безкорыстна, объединена общей прекрасной идеей, которой вы служите, прошлой кармой и многим, многим другим. Вы счастливы.

Но наступает момент, когда ты остаёшься совсем один. Далее твой Путь проходит по той узенькой, еле видимой тропинке в горах, не сумев осилить которую, непременно сорвёшься в глубокую пропасть, а, осилив – взлетишь. Этот отрезок пути невероятно труден. Но невозможно определить, что было труднее: встать на эту дорогу или же идти по ней, лишив себя земного покоя и благополучия, упорно поднимаясь по ступеням всё выше и выше?

Впрочем, это не имеет никакого значения. Ибо – всё позади, а ты сейчас идёшь по узенькой тропинке, впереди прекрасная, сияющая вершина, вся в снежных облаках, а под ногами – бурное море, скалы и парит огромный орёл.

Однажды это когда-то уже было: выбор, опасность, напряжение, дозор. Наконец, победа, такая долгожданная и всегда немного неожиданная, с лёгким привкусом смертельной усталости. Так бывает всегда, когда ты весь в напряжении стремишься к цели, не думая, сколько тебе осталось, а, дойдя, живёшь ещё в этом напряжении, не в силах его сразу скинуть и освободиться. Для этого понадобится ещё какое-то время...

Миша быстро справился с палаткой и поспешил к пещере. Стемнело, низкие тучи заволокли небо, вот-вот должен был начаться дождь. Миша решил сократить путь и пошёл по еле

видимой тропинке, все его мысли были заняты произошедшим накануне разговором Веры с Николаем Васильевичем. Вспоминая подробности: глаза Веры, её жесты, улыбку, он сам себя заводил. Всё в нем клокотало от возмущения и собственного безсилия. Опомнился он только тогда, когда дошёл до середины горы, и тропа стала уже. Растерянно оглядевшись, Миша понял, что здесь что-то не так, но, не слушая внутренних ощущений, всё же пошёл вперёд. В это время начался дождь. Гора была невысокой, но подъём крутой, он с трудом преодолел несколько последних метров – мешал большой рюкзак. Он оказался на узкой вершине горы и замер. Прямо перед ним был отвесный склон, гладкий, как стена. Одно неверное движение сулило смерть далеко внизу, на острых камнях. Отсюда до пещеры рукой подать, но как спуститься? В досаде он осторожно развернулся, но и здесь его подстерегала неудача. Хлынул самый настоящий ливень, склон горы стал таким скользким, что он с трудом удержался на ногах, чувствуя предательскую дрожь в коленях, пытаясь не смотреть вниз и не делать лишних движений, чтобы не сорваться.

Сколько времени Миша простоял в оцепенении, он не знал. Пока с глаз его не спала пелена, и он не понял, что сам себя загнал в эту ловушку.

Миша почувствовал себя опустошённым, разбитым, как было в последнее время после его приступов ревности. Лишь спустя пару дней ему становилось лучше. Неуправляемые эмоции, владевшие им, требовали выхода. Один раз он ушёл подальше от лагеря, в горы, в надежде, что успокоится. А сегодня нёсся, не разбирая дороги, и вот результат. Впервые ему стало страшно...

Ещё не осознавая до конца, что он делает, Миша взмолился о помощи, неистово, всем сердцем устремившись к Богу, прося прощение за слабость, за всё. Что было дальше, помнил с трудом. Уйдя в молитву и растворившись в ней целиком, он увидел перед собой огромную фигуру в белом.

И его сердце пронзил трепет. И улыбнувшись, счастливый, забыв обо всём, он смело шагнул навстречу протянутым рукам...

Упал он неловко, немного боком, но всё же удержался на маленьком выступе, немного правее и ниже той злополучной вершины. Ещё не понимая, как он совершил этот прыжок, и был ли он на самом деле, огляделся. Рюкзак лежал рядом. Миша встал и начал осторожно спускаться.

Оказавшись внизу, заметил в нескольких шагах от себя ещё одну пещеру. С трудом перешагнув через большой камень, которым наполовину был завален узкий вход, Миша проник в пещеру. Тут же у входа присел и отдышался. Только потом заглянул в рюкзак и обнаружил там свитер, сухие носки, кое-какую еду, термос с горячим чаем, который уцелел, и был приятно удивлён предусмотрительностью Веры. Переодевшись и сделав глоток обжигающего чая, почувствовал, как по телу разливается приятное тепло.

Удобно устроившись и прислонившись спиной к рюкзаку, Миша глубоко задумался. С каждым днём Вера отдалялась от него. Она так много говорила о Николае Васильевиче, преобразаясь на глазах, что в сердце Миши закралась ревность. Сначала он пытался не обращать на это внимания, испытывая лишь досаду. Но это чувство росло в нём, и он переставал владеть собой, когда Вера счастливо улыбалась, встретив Николая Васильевича, как, разговаривая, не сводит с него глаз, советуясь по малейшему поводу. Миша испытывал большое напряжение, весь поглощённый борьбой с самим собой, готовый иногда сорваться. Потом злился на себя, на своё поведение, но ничего не мог с собой поделать.

– Что случилось? – без конца допытывалась у него Вера. – Что с тобой? Тебе неприятно, что Николай Васильевич приходит к нам? Ты вдруг потерял к нему интерес, а ведь раньше, признайся, тебя всё это волновало не меньше меня. Если ты в чём-то с ним не согласен, скажи. Неужели ты ревнуешь? – догадалась она, – глупенький, я люблю тебя, милый мой, родной. А к нему отношусь как к другу, питаю исключительно духовные чувства.

– А разве любовь не самое духовное чувство? – спросил он глухо.

– Ни за что не подумала бы, что ты так ревнив. Право, ты меня удивляешь, – уже серьезно продолжила она. Перестань, сейчас же перестань, слышишь, это же смешно!

Но перестать он не мог, прекрасно понимая, что избавиться от чувства, которое завладело им целиком, не так-то просто.

Вера сердилась по-настоящему, не скрывая, что всё это чересчур...

Миша рассмеялся, подумав, что злее шутку и не придумаешь: он здесь один, а Вера там и ... неизвестно, когда закончится дождь.

Взглянув на часы, он с удивлением обнаружил, что прошло уже несколько часов. Дождь не утихал, ветер усилился, в пещере стемнело. Ему было совсем не одиноко, хотя раньше он ни минуты не выносил одиночества. И даже, если приходилось работать за письменным столом, он знал, что Вера рядом, стоит только позвать её, и она появится в дверях. Только в последний год, после того, как уехал их сын, он начал ощущать невыносимое, тягостное одиночество рядом с нею. Поначалу, оно было едва заметным, появляясь в минуты разногласий. Всё чаще они стали заниматься своими делами в разных комнатах, не проронив за день ни слова, а, встретившись, делали вид, будто ничего не произошло. Потом оно выросло как снежный ком, грозя раздавить его своей тяжестью. Миша чувствовал своё безмерное одиночество днём и ночью, хотя они по-прежнему ели за одним столом, спали в одной постели и вечерами встречались у телевизора, в гостиной. После отъезда сына Вера часто включала телевизор, пытаясь понять по коротким, скупым сообщениям, как живет её сын там. Не замечая ничего вокруг, она вся с головой ушла в переживания, односложно отвечая на вопросы, чаще молчала. Антон не писал и не звонил, а Миша был безсилен что-либо изменить. Замечая её покрасневшие от слёз глаза, он делал вид, что ничего не заметил. Его охватывало такое отчаяние, что хотелось кричать на весь гулкий, пустой дом, который он больше не мог выносить ни минуты. И Миша уехал...

Поехал к морю, куда раньше они ездили вдвоём, чаще весной, иногда летом. Летом они обычно уезжали в экспедицию, но это было давно.

Гостиница, в которой он остановился, была огромной и неудобной. Ночью ему не спалось, он долго читал детектив, и только под утро забылся коротким, тревожным сном. Разбудило его солнце, бившее прямо в глаза сквозь неплотно задёрнутые шторы.

Бросив вещи на людном пляже, Миша долго плавал, потом в изнеможении свалился на песок, подставив солнцу бледное тело. Уже вечерело, когда он, гуляя по городу, подумал о том, что сам себе устроил эту пытку. Все напоминало ему о Вере, об их прошлой жизни, когда они были счастливы вдвоём. В этом магазине на углу, они покупали по утрам горячий хлеб, сюда бегали звонить сыну, в том кафе подолгу сидели вечерами, разговаривая...

Так прошло несколько дней. По утрам он загорал на пляже, потом долго плавал, обедал в небольшом кафе и вечерами долго гулял, в надежде, что усталость возьмёт своё. Наступала ночь, прихода которой он боялся, зная, что не уснёт.

Наконец, в один из вечеров, сдавшись, принял снотворное и лёг пораньше спать. Его мучили кошмары. Он умирал, и врачи пытались спасти его жизнь. На этот раз всё было тщетно, он действительно умирал. Потом появилось склонённое к нему лицо Веры, всё в слезах, которая умоляла его остаться.

С трудом открыв глаза, Миша долго не мог понять, где он находится. Голова была тяжёлой, в надежде взбодриться, он заварил себе крепкий кофе. На улице было пасмурно. Позволив в аэропорт и уточнив время рейса, Миша быстро собрался. Он понял, что больше не может так жить, сын их предал, теперь он предаёт Веру, не выдержав её переживаний, тягостного молчания.

Ему было легче, спасала работа. А она всё время была одна, предоставленная самой себе и мыслям о сыне. Его книги лежали на полках, фотографии улыбались со стен, вещи лежали в шкафу.

От всего этого можно было сойти с ума. Поздним вечером он шёл к своему дому, полной грудью вдыхая воздух, наполненный запахом хвои, морских водорослей, дождя, думая о том, как он соскучился, как будто не был здесь много лет. На втором этаже, в спальне горел свет. Открывая дверь своим ключом, он нарочно громко топал ногами, чтобы услышала Вера, поставил чайник, включил телевизор. Она и вправду тут же спустилась, накинув халат.

– Ты вернулся?

Подойдя к ней, Миша смотрел на её такое родное лицо, заметив только сейчас седую прядь у виска, морщины у глаз и обняв, прошептал: – Я не могу без тебя. Если бы ты знала, как я тебя люблю!

– Я тоже, милый. Прости меня, прости, – и она заплакала на его плече.

С тех пор прошло больше года. Они снова в экспедиции вдвоём. А ведь вернул её к жизни Николай Васильевич.

В последнее время к нему стало возвращаться уже знакомое чувство одиночества. Они незаметно снова стали отдаляться с Верой друг от друга. Он понял, что живёт рассудком, не веря и не доверяя ни себе, ни собственным ощущениям, боясь выглядеть смешным. Ему не хватало спокойствия и уверенности, когда рассудок твердит – пропасть, а сердце знает, что её нет.

Клонило в сон и, засыпая, Миша улыбался. Разбудили его незнакомые звуки, но, сколько он ни прислушивался, лежа в темноте, ничего не мог разобрать. Недоумевая, встал и, взяв фонарик, пошёл вглубь пещеры. В самом углу сидели, нахохлившись, два белых голубя с сизыми полосами на груди. Миша, удивлённый, застыл, а они, заметив его, безпокойно зашевелились, тревожно наблюдая за ним чёрными бусинками глаз.

Стараясь не спугнуть их, он ушёл, досадуя, что ему нечем их покормить.

Утром, покидая пещеру, Миша решил попрощаться с голубями, но их уже не было, лишь на каменном полу пещеры лежало белое пёрышко.

Когда он вышел из пещеры, перед его глазами предстала неожиданная картина: вода смыла с гор верхний слой почвы, и они приобрели серый, неприглядный вид. Совсем рядом произошёл сильный камнепад. Снова собирался дождь. Не успев сделать нескольких шагов, он услышал голоса.

На склоне горы появился Артём, и Миша, окликнув его, пошёл навстречу.

Идите, учите, протяните руку помощи.

Учите словам Моим – пошлю слушателей.

Получающие должны давать.

“Л. С. М.”

Пройдя по коридору прямо, мы попали сначала в один зал, затем в другой, они были чем-то похожи, оба с низкими потолками. Войдя в следующий, немного больший, чем все остальные, имеющий правильную квадратную форму и выпуклый потолок, остановились. Я испытал уже знакомые ощущения, почувствовав сильный тёплый поток, по покрасневшимся лицам дяди и Доктора я понял, что они испытывают то же самое.

Вокруг стало гораздо светлее, воздух сгустился, переливаясь серебряными и золотыми светящимися нитями, и перед нами появилась необыкновенно высокая и величественная фигура в белом. Стены раздвинулись, потолок исчез. Мы находились на огромной площадке высокой башни, а перед нами, как на ладони, простиралась Земля.

– Я рад вас приветствовать, дорогие мои, в своей Башне, – обратился он к нам.

Его лицо было нечётким, еле видимым, но голос я слышал хорошо.

– Здесь редко бывают люди, и вы мои почётные гости, продолжал он, распахнув перед нами огромные двери и пригласив войти в большую комнату. Это была лаборатория. Длинные стеллажи сверху до низу были заставлены различными аппаратами, предметами, механизмами. Посередине комнаты, на большом столе, покрытом зелёным сукном, лежал небольшой

кристалл горного хрусталя, напоминавший по форме пирамиду. Он сверкал разноцветными гранями, то, вспыхивая, то потухая, но оставаясь всё же безцветным. Когда старец взял его в руки, из него брызнул такой сильный свет, что я зажмурился от неожиданности.

Старец протянул кристалл мне: – Прими этот дар Великих Учителей, Алёша, он необходим для работы, которую тебе предстоит выполнить. Ты должен будешь будить сердца людей – передать им ту часть информации, которую настала пора им открыть.

Я взял пирамиду и ощутил в своих руках необычайное тепло. Кристалл сверкал в моих руках, но цвета его стали мягче, приглушеннее, я улыбнулся счастливый.

За столом меня ждала большая раскрытая книга. Не знаю, сколько прошло времени, увлекшись, я читал одну страницу за другой. Закончив читать и вспомнив, где нахожусь, я огляделся. В комнате никого не было, и я вышел на смотровую площадку. Земля, утопающая в розоватой дымке, лежала передо мной.

Приближался час рассвета

*Проведи, Благословенный, тропую.
Прикоснись к очам, чтобы узреть врата твои.
“Л. С. М.”*

В один из выходных дней мы втроём с дядей и Доктором решили пойти в горы и обследовать окрестности. Встав рано, немедленно тронулись в путь, чтобы успеть засветло вернуться обратно.

У всех было прекрасное настроение. Солнце стояло в зените, когда я заметил впереди какой-то свет.

– Что это? – обратил я на него внимание дяди, но, сколько мы не пытались, ничего не могли разглядеть.

Привлечённые странным свечением, мы подошли к этому месту. По мере приближения, я стал испытывать знакомые мне ощущения душевного подъёма и торжественности и, словно в ответ на мои мысли, горячая волна прошла по моему позвоночнику.

Мы остановились у подножия высокой горы необычной формы, где свет, становясь ярче, переливался всеми цветами радуги. Вдруг я услышал негромкий, хрустальный звон, удивительно нежный, мелодичный и перед нами из ниоткуда появилась ступень, потом ещё одна и ещё, превратившись в длинную лестницу, ведущую в небо.

Её высокие ступени сверкали на солнце ослепительным блеском, переливаясь изумрудом и серебром, прозрачные, необыкновенно красивые.

Оправившись от удивления, я почувствовал, как какая-то сила толкает меня вперёд и, шагнув, смело пошёл по ней, не оглядываясь, зная, что Доктор и дядя следуют за мной. Весь как стрела, пущенная в цель, устремившись вперёд, я шёл легко и радостно, преодолевая ступень за ступенью, не чувствуя усталости.

Лестница привела меня к высоким светлым воротам, которые распахнулись передо мной, как только я до них дотронулся. Войдя, оказался в небольшом дворике, огороженном со всех сторон кустарником с цветущими белыми и сиреневыми цветами. Передо мной сияли, искрясь на солнце, белоснежные шапки огромных гор, такие близкие, как будто их можно коснуться рукой и такие недостижимые. С другой стороны открывался вид на долину, утопающую в голубоватой дымке. От увиденной панорамы у меня захватило дух, и я долго не мог налюбоваться ею. Посередине двора возвышалась высокая статуя сидящего Будды, выполненная из светлого камня. На лбу, между бровей, в лучах солнца, играя всеми цветами радуги, переливался крупный камень удлинённой формы. Глаза её были полузакрыты, легкая улыбка тронула губы, лик безмятежен, всё земное казалось незначительным, по сравнению с тем внутренним покоем, которым была пронизана статуя. Создавалось впечатление, что ещё немного и статуя оживёт, сделает шаг нам навстречу.

Вздвигнув от неожиданности, я увидел, что к нам приближался высокий человек, опирающийся на посох, на конце которого горел огонь. Он был строен, сед и стар, но глаза, горевшие на его выразительном лице теплом и любовью, были так проникновенны, что этот взгляд мне не забыть никогда. Я повернулся к нему, и какое-то смутное воспоминание шевельнулось в сердце. Ещё не понимая, что делаю, я шагнул навстречу этому человеку и оказался в его объятиях: – Отец Макарий, – прошептали мои губы, прежде чем осознал, что это говорю я, ощутив невероятное тепло и блаженство, идущее от него.

Сердце моё затрепетало, я почувствовал, как будто в моей груди раскрывается необыкновенно красивый цветок, напоминающий лотос. Горячая волна пробежала от моей груди к нему.

Испытывая огромное счастье, я радостно прижимался к отцу Макарию и чувствовал себя невероятно сильным и уверенным.

Мы молчали, не в силах произнести ни слова, да они были и не нужны. Уста наши были сомкнуты, а сердца беззвучно беседовали между собой.

– Как давно я вас жду, – говорило мне сердце отца Макария, – как долго, Алёша, вы шли к родному крову! Я счастлив, что этот день настал!

Он замолчал. Молчал и я, боясь нарушить нашу связь, эту священную тишину, ощутив на минуту невыносимую физическую боль, которая пронзила мое сердце. С трудом переведя дух, я понял, что испытал всю боль отца Макария, глубину которой сознанием никогда не постичь.

Он жестом пригласил нас следовать за собой, и, только вплотную подойдя к неприступной скале, мы заметили небольшую дверь. Она распахнулась, и мы вошли в узкий, длинный коридор, поднялись по ступеням и оказались в огромном Храме, свет в который проникал через высокие окна. Трепет пронзил моё сердце. И я склонился в глубоком поклоне перед простым и немного суровым ликом Христа, смотревшим прямо в моё сердце своими большими лучистыми глазами. Ничего нельзя было скрыть от этого всевидящего взора, полного любви, сострадания и мужества. Он был как живой на этом полотне, от которого шёл необыкновенный свет. Хотя я стоял далеко, но физически ощущал всю эту мощь и безграничную силу света, не в силах больше приблизиться к нему ни на шаг. На картине было изображено утро перед распятием. Он пережил тяжелую ночь, проведя её без сна. Усталость тенью легла на его лицо, оставив следы глубоких раздумий, но внутренне он был чрезвычайно собран и устремлён, давно готовый к такому исходу. Приближался рассвет, перед ним была дорога длинная, бесконечная и, вместе с тем, такая короткая, полная страданий, тревог и бурь, непреодолимых испытаний. Дорога, длиною в человеческую жизнь...

Мои размышления были прерваны Доктором, который жестом указал, что меня зовёт отец Макарий. Подойдя к нему, я увидел рядом с ним большую чашу с огнём, высокое пламя которого переливалось золотом, серебром, изумрудом. Опустившись на колени, я склонил голову, и Макарий дотронулся до неё своим посохом, предварительно коснувшись им чаши. Меня пронзило необычайно сильным потоком с головы до ног, комната закружилась перед моими глазами все быстрее и быстрее, и я бы упал, если бы подошедшие сзади Доктор и дядя не поддержали меня.

Как только я немного пришёл в себя, отец Макарий снова прикоснулся посохом к моей голове и я испытал ещё одно содрогание, но уже меньшей силы. Он исчез, перед моими глазами появились семь огромных фигур в белоснежных плащах, переливающихся разноцветными лучами, и невыразимые счастье и покой снизошли на меня. Мир вокруг раздвинулся безгранично, и я почувствовал всю его Безпредельность.

– Иди, Алёша, безстрашно по жизни, – услышал я явственно, – Внося в жизнь каждого дня, каждой встречной душе любовь, добро, забывая о себе, не требуя награды. Ты приблизился к священным воротам, сумев открыть их собственным сердцем. Так и живи отныне каждый свой день.

Колокола зазвучали сильнее и сильнее, и с каждым звоном я видел духовным зрением, как огромные цветы невероятной красоты открываются в сердце каждого человека, который слышал этот звон, отзываясь на него. Негромкое, но торжественное пение ещё долго звучало в моих ушах, когда мы покидали храм.

Солнце клонилось к закату, отец Макарий вывел нас за высокие ворота, и мы увидели перед собой еле заметную тропинку, заросшую травой, узкую, крутую, полную опасностей поворотов. Она вела нас мимо глубокой пропасти, неожиданные препятствия возникали перед нами, и нужно было быть очень осторожными, чтобы спуститься по ней. Я шёл легко, не обращая на это внимания, и вдруг услышал: – Осторожнее, Алёша, – говорило мне сердце отца Макария.

Радость поселилась в моём сердце с этого дня, радость жить, помогать людям...

... У стен, на длинных полках из красного дерева стояли различные аппараты, некоторые из них мы уже видели в башне, но здесь они были гораздо меньших размеров. А посреди лаборатории на небольшом столике возвышался, сверкая и переливаясь своими гранями, кристалл горного хрусталя в форме пирамиды, в центре которой был шар.

Смелее, Алёша, – улыбнулся отец Макарий, – ты уже умеешь с ним работать.

Я подошел поближе к кристаллу, который вспыхнул изумрудно-зеленым светом, становясь всё ярче по мере моего приближения. Я почувствовал в сердце знакомый трепет, ещё и ещё раз от меня побежала горячая волна, я весь растворился в этом чувстве, а кристалл, сконцентрировав его, собрав в себе, стал необычайно ярким.

То же самое сделали и дядя с Доктором.

– А теперь вы можете отдать эту любовь, куда пожелаете, – продолжил отец Макарий, и мы, не сговариваясь, послали её людям, Земле. Когда я снова открыл глаза, пирамида снова была прозрачной, лишь неяркие разноцветные огни пробегали по её граням. Посыл был таким мощным, что я физически, зримо ощутил, как стало вокруг светлее.

Следующий предмет, который отец Макарий взял в руки, тоже был камнем, небольшим, блестящим, тёмного цвета с розовато-красными прожилками.

Этот камень тоже необычный, – объяснил он нам, – завезён с Ориона. Он более ценный, чем горный хрусталь и даже алмаз. У него иное предназначение. Он помогает человеку управлять своим внутренним огнём, но требует большой подготовки. Чтобы работать с ним, необходимо привести свой организм и чувства в гармонию, а этому вы ещё только учитесь...

... Та дорога, которую ты выбрал, не может бесконечно продолжаться рядом с Учителем. Наступает час – пора расставаний, когда ты должен идти один и показать на деле, чему ты научился. Конечно, поддержку Учителя, его помощь, ты будешь ощущать постоянно. Но те задачи, которые поставлены перед тобой, ты должен решать самостоятельно. И сейчас в твоей жизни наступил именно такой момент. Я знаю тебя как сильного и мужественного человека, что же случилось теперь?

– Я не знаю, как жить и зачем? Для мира я умер давно, ничто меня не привлекает в нем.

– Ты думаешь о себе, Мишель, а задачи перед тобой огромны. Ты должен нести людям свои знания, помощь, всю свою любовь, забыв о себе. Они нуждаются в тебе больше, чем ты предполагаешь. Живи отныне свой каждый день, отдавая всего себя без остатка людям, показав на деле, без лишних слов, что на свете существуют и правят законы мира, любви и добра. Тебе предстоит закончить свой труд, который должен принести пользу людям.

Отец Макарий положил свою руку на плечо Мишеля и, обняв его, продолжил: – Понимаю всю глубину твоих чувств, ведь ты прежде всего думаешь обо мне и хочешь разделить со мной всю мою боль... Но эту ношу я должен вынести один, Мишель. В том, что произошло, вина отнюдь не Франциска, а моя. Ведь нет нерадивых учеников, есть плохой учитель.

Пройдут столетия, прежде чем развяжется эта карма, искупив все свои тяжелые последствия. И до тех пор, пока не сумеют прийти сюда новые ученики, отыскав дорогу во тьме собственным сердцем, я буду ждать. Для

этого понадобятся, возможно, века,

Но каждый выбирает свою ношу сам...

Много непонимания в океане людском.

“Л. С. М.”

Лёгкий конный отряд приближался к монастырю. За большие деньги старый проводник, неоднократно привозивший сюда учеников, согласился показать дорогу. Они ехали молча и спешили, не обращая на него никакого внимания, а старику хотелось поговорить, отвести душу, он без конца вздыхал от одолевших его тяжёлых дум.

– Эх, как бы не сын нерадивый, да не внуки, ни за что не взялся бы за это дело, – разговаривал он вслух сам с собой.

– Поторапливайся, – подгонял его угрюмый главарь, поблескивая чёрным глазом, другой был перевязан чёрной лентой, скрадывающей часть обезображенного лица. Он был стар, сед, славился своей жестокостью и коварством. Не зря выбор пал на него – он должен был расправиться с самим отцом Макарием.

Приближался рассвет, подходил к концу их путь. Они подъехали к подножию горы с первыми лучами солнца. Отпустив восвояси проводника, и оставив внизу коней, налегке стали подниматься к монастырю. Этот подъём по крутой и узкой тропинке давался им с невероятным трудом. Ничего не понимая и чертыхаясь, с трудом дыша, главарь, одолев его, долго стоял прислонившись к воротам.

Не в силах сделать последний шаг, чувствуя, как с каждым вдохом убывают его силы и решимость.

Наконец, увидев два десятка устремлённых на него глаз, распахнул ворота и вошёл в маленький дворик. За ним вошли и остальные. Открывшаяся панорама была столь неожиданна, что они застыли в изумлении, а потом разбрелись в разные стороны, с интересом рассматривая всё вокруг, чувствуя, как исчезает их воинственный пыл.

Их внимание привлекла высокая статуя Будды, которую они долго с любопытством разглядывали, высказывая вслух замечания. Подошёл главарь, который сразу обратил внимание на изумрудно-зеленый камень, сверкавший на лбу статуи.

Его рука сразу потянулась к камню, но, несмотря на свой высокий рост, он не доставал до плеча статуи.

– Стойте! – услышал он вдруг грозный голос и вздрогнул от неожиданности. Прямо перед ним возникла высокая фигура старца в белом одеянии. Его строгий лик и суровый взгляд приковали разбойников к своим местам, они стояли, застыв, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, ощущая тяжесть во всем теле.

Через минуту видение исчезло, растворилось в воздухе, но ещё долго на этом месте дрожал и переливался свет, повторяя очертания фигуры старца.

Некоторое время спустя, главарь обрёл дар речи и сумел опустить поднятую руку. Но внять предупреждению не захотел.

Злобно выругавшись, он бросился к высокой скамейке, стоявшей тут же, принёс её – теперь достать вожеленный камень не стоило труда.

Но тут случилось неожиданное: – лёгкая усмешка тронула губы Будды, его глаза блеснули из полуопущенных ресниц, и, казалось, он сейчас сделает шаг вперед. Это впечатление было настолько сильным, что главарь не выдержал и с криком ужаса, застрявшим в горле, упал, а потом опрометью выбежал со двора и понёсся, не разбирая дороги, по узкой тропинке вниз.

Этот сумасшедший бег продолжался всего лишь минуту, и только гулкое эхо донесло его предсмертный крик.

Всё произошло настолько быстро и неожиданно, что никто не успел опомниться. Придя в себя, они торопливо, друг за другом, покинули монастырь, и даже под страхом смерти нельзя было их заставить туда вернуться.

Так закончилась эта страница жизни монастыря, о существовании которого знали единицы. Но, открыв эту тайну, люди ничего не принесли взамен, кроме разрушения.

Неготовое сознание не может постичь никаких знаний, от них будет только непоправимый вред.

Люди разрушили единственный мост, ведущий вперёд, закрыв перед собой все пути, забыв о своём высоком предназначении. Потеряв веру в себя, в людей, в добро, они разучились

любить, творить, созидать и жить сердцем. За это время, пока двери монастыря были закрыты, они отбросили себя назад на века.

Но вот счастливый день настал, сюда вновь пришли ученики, которые, покидая сейчас эту обитель, уносят на своих окрепших крыльях Весть.

Двери монастыря открыты для всех, сюда может прийти каждый, постучавшись собственным сердцем. Новый мир откроется перед вами, мир творчества, созидания и любви.

... – Не спеши, – остановил он меня, – давай посидим вдвоём. Они подойдут сами...

– Я пришёл попрощаться, Алёша, – начал он, немного помолчав, – подходит к концу ваша экспедиция. Но я все-таки дождался вас. Хотя и верил всем сердцем, что придёте непременно, только вот когда? Когда проснутся люди и откроют свои сердца? Сколько времени они будут не жить, а дремать, превратив своё существование в одну иллюзию от начала и до конца? Но пробил час, и началась решительная и грозная битва внутри каждого человека, в его душе. И кто не одолеет, тот уйдёт ни с чем, а кто одолеет, тот поднимется на следующую ступень. Середины нет. Её не дано, поэтому нет и не будет безучастных. Так накалена атмосфера и так велико напряжение. Но как бы там ни было, Алёша, мужайся.

Я сидел и слушал его, не дыша. К нам подошёл дядя, за ним – Доктор, Миша с Верой, и через некоторое время мы оказались в кольце людей, пришли все до одного и, почувствовав, что разговор будет долгим, расселись вокруг отца Макария. Он улыбнулся, и эта улыбка такая ласковая, отеческая, неузнаваемо преобразила его лицо: – Настал мой черёд сказать вам своё слово. Если вы не захотите его услышать, я буду безсилен перед вашими закрытыми сердцами. Но не имею права уйти молча.

Зов будет дан всем, непременно. И он звучит... Таков закон. Хочу сказать, что труден этот Путь и под силу отнюдь не многим. И одолеть его вы сможете только сообща, рука к руке, сердце к сердцу, прокладывая во тьме дорогу и озаряя её светом своей любви.

Он обвёл нас глазами, остановив на каждом свой взгляд, который выдержали не все, и продолжил: – Вижу, не все согласны со мной и не каждый готов к окончательному выбору. Кого-то одолела зависть, кого-то ревность, обида, на ком-то повисли путы предрассудков. Но выход есть. Нужно изжить эти чувства в себе, расплавив их в огне своего сердца. Рано или поздно вы все придёте на эту дорогу. Но когда? Сколько будет упущено времени и возможностей? И сегодня, в этот трудный час, я призываю вас, отменяю все страхи, сомнения, неуверенность, встать на этот путь во имя Будущего. И как бы ни было трудно, помните, вы не одни. Мы всегда незримо рядом с вами, готовые протянуть свои руки, сердце, любовь.

Наступила тишина. Первой прервала молчание Аня: – О чем вы все говорите и без конца нас пугаете? Что Николай Васильевич, что Доктор – одни и те же разговоры. Но все живут как люди и ничего не чувствуют, их волнуют простые житейские вопросы. Вы лучше объясните мне, что за монастырь у вас такой в горах, и почему Николай Васильевич запрещает нам туда ходить?

– Потому что ничто не остается безнаказанным. Существуют вещи, к которым нельзя приближаться, прыгая через ступени. Это чревато тяжёлыми последствиями. А особенно опасна игра с огнём для неподготовленного сознания. Не знаю, прислушаетесь ли вы к моим словам, однако, я не советовал бы вам туда ходить, иначе не избежать беды.

Анна надула губы и не скрыла своей досады. Но, спрятавшись за спину Андрея, больше не проронила ни слова.

– Прошлые, собственные предрассудки, держат человека крепкими путами, – продолжил отец Макарий, – и от этих пут можно освободиться лишь огромным терпением, усердием и любовью. И чтобы это прошлое не захлестнуло вас, не сделало своим рабом, спешите творить добро, друг мой, – обратился он к Артёму. – И как бы ни было трудно сделать первый шаг – нужно его сделать, потом будет легче. Самое главное, подчинить себя своей воле. Только потом

придут необходимые знания, умения, опыт. Любить вы умеете, только боитесь раскрыть своё сердце и отдаться во власть этого прекрасного чувства, досадуя на себя...

У Артёма изменилось лицо после этих слов, таким я его ещё никогда не видел.

Я перевел взгляд на Сергея, который смотрел угрюмо и сразу сник, когда отец Макарий повернулся к нему. Постарался стать меньше, незаметнее, вобрав голову в плечи, смотря куда-то в сторону. – Мужайтесь, человеку даётся только то, что он может выдержать, не более. Не бойтесь, не жалейте себя, испытания только закалят ваш дух и сделают вас сильным. Трудности, страдания заставляют человека раскрыться, никогда в тепличных условиях этого не произойдёт. И пусть ничто вас не смущает. Вы все сумеете и всего достигнете непременно, если будете верить в себя, в собственные силы, – говорил Отец Макарий.

Серёжа выслушал это с напряжением, которое долго его не отпускало. Сначала его лицо выражало недоверие, а потом, с всё возрастающим интересом он слушал отца Макария, не сводя с него глаз.

– Прежде всего, я хочу напомнить, что выбор должен быть исключительно добровольным. Не надо никому навязывать свою волю, думать, что можно человека переделать, настаивать на Путь Истинный. Нет, каждый только сам, ценою собственных усилий, поиска, найдёт тот единственный, верный Путь. А дорогу подскажет сердце. И не надо брать на свои плечи ответственность за другого, лишний груз, с которым вы справиться не в силах. Единственное, чем вы можете помочь – отдать всю свою любовь.

И не судить. Все мы можем не однажды ошибаться, принимая желаемое за действительное. Нет границ для человеческого духа, их устанавливает только сам человек. И в это трудное время объединитесь все вместе, протяните друг другу руки и взрастите прекрасный сад верности, поддержки и взаимопомощи. Не жалейте себя, вы не подозреваете, на что способны. А, узнав, откроете в себе немало прекрасных качеств, и, поверив в себя – взлетите, доказав на примере, что героями не рождаются, ими становятся – ничего невозможного нет! Есть лишь устремлённость, вера, мужество, преданность и любовь!

Светало, исчезали звезды с небосклона. Костёр догорал, освещая наши серьёзные лица и возвышающуюся над нами фигуру отца Макария.

Он уходил обратно в монастырь. Неужели его Зов не будет услышан? При этой мысли я на минуту содрогнулся. – Нет, – ответило тут же моё сердце, которое всё настойчивее заявляло о себе и жило помимо моей воли собственной жизнью, не подчиняясь законам логики и рассудка, – должен быть услышан! Всё чаще и чаще я ощущал в себе новые чувства, учился прислушиваться к ним, доверять. И они ещё ни разу меня не подвели.

Ночь промелькнула как одно мгновение, однако, я совсем не чувствовал усталости.

Мы проводили отца Макария на рассвете, когда восходящее солнце окрасило всё вокруг в нежные розовые цвета. Запели птицы, приветствуя новый день, раскрывались цветы. Всё живое тянулось к Свету, радуясь предстоящему дню.

... Перед ним открывалась необыкновенная панорама такой красоты, какой он ещё не видел. Огромные безмолвные вершины гор, тянущиеся безконечной цепью, утопающие в снегу и облаках, такие близкие и недосягаемые, суровые, величественные...

Он был намного выше нас, около трех метров ростом, на лице лучились огромные миндалевидные глаза, необычайно выразительные. Всё в нем было другим: и цвет кожи, и рост, но своеобразно красивым и гармоничным. В первую же минуту я испытал к нему симпатию и доброжелательство.

– Я – друг, – сказал он, улыбнувшись, по крайней мере, я это ясно услышал. – Орионец. Зовут меня Вик, я – командир этого корабля.

Оглянувшись на дядю и Доктора, я понял, что они тоже услышали слова Вика. И только в эту минуту я заметил, что мы не одни, увидев знакомый посох и фигуру в белом. Макарий улыбался, успокаивая и благословляя нас на полёт.

Мне сразу стало легко, ушли все тревоги и сомнения. И, словно отвечая моим мыслям, дав нам немного времени прийти в себя от неожиданности, Вик продолжил: – Нам предстоит совместный полёт, прошу вас на корабль, мой экипаж ждёт, – и, отступив в сторону, пропустил нас вперёд...

...Нас встретили четверо Орионцев, таких же высоких, на первый взгляд как две капли воды похожих на Вика. Но это было только на первый взгляд, как я убедился позже. На головах у них были надеты круглые прозрачные скафандры с двумя небольшими антеннами на макушке. Позже я узнал, что именно это приспособление позволяет нам слышать и понимать друг друга. Только у Вика поверх комбинезона был надет короткий жилет с расширенными плечами – своеобразный знак отличия командира корабля.

Мы познакомились с экипажем: – штурман Кий, бортинженер Нади, врач-лаборант Серк, и биолог Ник, – представились они по очереди. У меня сложилось впечатление, что они знают нас гораздо лучше, чем мы их, и с каждой минутой я чувствовал себя всё непринуждённее. Мы все уселись за круглый стол, стоявший посередине салона.

– Нам предстоит большая и серьёзная работа, – начал Вик. – Полёт будет продолжаться чуть больше суток, мы посетим Орион, одну из обитаемых планет, где условия схожи с Земными. За это время вы ознакомитесь с работой космического корабля, узнаете много нового и получите разнообразную информацию. Программа очень насыщена, но пусть вас это не смущает, вы с ней справитесь, мы вам поможем. Надеемся, что здесь вы обретёте друзей, встретите внимание, помощь и поддержку. Тем более, что разрешение от Шамбалы Светлой получено, и программа полёта согласована...

.... В этой работе много своих тонкостей, нужно не только прекрасно знать планеты и звёзды, их особенности, свойства, учитывать возможности корабля, но ещё не бояться рисковать. Ведь обычно они всегда спешили туда, где срочно была нужна их помощь, поэтому редко летали одними и теми же проверенными маршрутами, предпочитали более короткий путь, который, как правило, оказывался более сложным. Но обо всём этом я узнал немного позже. А тогда я задумался о том, что, находясь на корабле столь короткое время, уже успел полюбить Орионцев всем сердцем. Но если рассказать людям на Земле о том, что я видел, наверное, немногие бы поверили.

Да и какими словами передать атмосферу, царившую здесь, как объяснить мои ощущения, я не знал. Ведь многие люди на Земле живут другими интересами, не задумываясь об этом, и я безсилен им помочь...

– Нет, – прервал меня Кий, – ты не прав, Алёша. – Пока мы вместе, мы сумеем и должны помочь. Верь, это нам по силам, ничего невозможного нет. И в этом ты убедишься ещё не раз...

А сейчас я покажу тебе то, что ты вряд ли увидишь где-либо. С этими словами он достал с полки, которая была сделана так искусно, что я её не заметил, большую коллекцию звёздных карт. – У них непередаваемый запах старины, – говорил он, разворачивая передо мной эти древние карты. Глаза Кия засветились, он с увлечением рассказывал мне о своих сокровищах и напомнил настоящего мальчишку с Земли, который поверяет другому свои тайны. И я подумал, что мы, в сущности, так похожи друг на друга и так близки...

Мы долго рассматривали карты, а Кий мне рассказывал, как они попали в ловушку у планет так называемого “Чёрного кольца”, и были вынуждены летать вокруг них, не зная, как выбраться. Это “Чёрное кольцо” весьма коварно и редко выпускает свою добычу. Они знали об этом, но всё же решились рискнуть, так как очень спешили, но за это они поплатились, пока круг за кругом летали по этому кольцу, прошло много времени, приборы пришли в негодность, нужно было что-то срочно предпринимать, иначе по их вине могла погибнуть целая планета. Но «Кольцо» одно за другим отвергало их смелые предложения, ни за что не желая выпускать своих заложников. Когда положение казалось совсем безнадежным, Кий вспомнил про эти

карты и стал их изучать, зная, что где-то существует выход из «Кольца», нужно только его найти.

Кий показал мне на карте, мягкой на ощупь, эти планеты “Чёрного кольца” одну за другой, я насчитал их семь.

– А суть проста, продолжил он, – выйти можно только в определённом месте, где происходит отгалкивание с невероятной силой, но нужно быть очень осторожным, чтобы не разбить корабль.

Выход был найден благодаря этим картам, и теперь это злополучное место не представляет для нас прежней угрозы. В случае необходимости, мы смело можем воспользоваться этим кратчайшим путем.

Я с интересом слушал Кия, а у меня перед глазами стояли эти безрадостные планеты “Чёрного кольца”. Куда ни кинь взгляд, везде черным-черно. Чёрная пыль, чёрные кратеры потухших вулканов, многометровый слой пепла, и больше ничего, сколько ни разглядывай. Ни росточка, ни былинки, ни воды... и мне вдруг стало страшно.

– Что же случилось с ними? Неужели на них никогда не было жизни? – хотел я спросить у Кия, но он опередил меня, ответив, что уже не было неожиданностью: – Конечно, Алёша, была. Когда-то на них существовала достаточно развитая цивилизация, но это было очень и очень давно. Возможно, когда-нибудь, когда будет не столь опасно бывать на них, найдут способ избавиться от этого невыносимого притяжения, на ней и появится какая-нибудь техническая станция или лаборатория. Жаль, что Земляне не видят этих планет и не знают об их существовании, может быть, тогда они бы серьезно задумались о будущем своей планеты. На некоторых планетах, не так сильно пострадавших от войн, начались работы по восстановлению Жизни. Но дело идёт очень не просто.

– Неужели нас ожидает подобная участь? – пронзила меня догадка.

– Возможно, – ответил мне Кий, – но не торопи события. Я думаю, мы все вместе постараемся, чтобы этого не произошло. Во всяком случае, будем в это верить и действовать...

...По мере приближения перед нами открывалась удивительная панорама: ряд планет, расположенных достаточно близко друг от друга, а в центре – большая по размерам, куда мы и держали курс. Всё это был Орион. Если Земля казалась из космоса голубой, то Орион утопал в молочно-розоватой, опаловой дымке.

Через несколько минут мы совершили посадку на большом космодроме, и на экране возникли приветливые, уже привычные нам лица Орионцев. Их было трое, такие же красивые и стройные, они приветливо встретили нас. Вскоре мы покинули космодром и последовали за своими спутниками в красивый город.

Все вокруг спешили по своим делам, не обращая на нас никакого внимания. Мимо нас постоянно пролетали небольшие 2-3 местные аппараты. И везде я замечал доброжелательные лица, улыбки. Город казался небольшим, но удивительно гармоничным. Да, именно гармоничным, ибо всё в этом городе было прекрасным и дышало гармонией: и здания, и деревья, и цветы, и сами Орионцы.

Мы пришли в стеклянный дворец, напоминавший по форме большой купол, который был разделён на несколько залов. Мы побывали в трёх из них. В первом зале была библиотека, выполненная в одной цветовой гамме, изумрудно-зеленого цвета. Из-за стеклянного купола над головой создавалось ощущение безграничности, вокруг дворца цвели прекрасные цветы, большие, дивные. Они были совсем другого цвета и формы, чем Земные. Цвета более нежные, приглушённые, я и не предполагал, что бывает такое сочетание красок. В саду били фонтаны, и мы, любовавшись открывшимся видом, уселись за книги, их нужно было прочесть за короткое время достаточно много. Правда и читали мы намного быстрее, чем на Земле. Там бы от обилия информации и впечатлений у меня разболелась голова, но здесь с удивлением замечал, что всё запоминаю легко и быстро. Всё это выяснилось уже при беседе с одним из наших спут-

ников. Это был очень высокий Орионец, пожалуй, выше всех, встречавшихся мне, с мягкими движениями, огромными глазами, которые излучали вокруг столько света и тепла, что у меня с первой же минуты появилось ощущение, что я его знаю давно.

Мы говорили с ним о многом: о книгах, которые я только что прочёл, о том, что нам ещё предстоит сделать, о том, как жить после возвращения на Землю, что нести людям. У меня сложилось от разговора с ним впечатление, что он не только прекрасно знает Землю, но и любит её.

Библиотека была огромна, в ней были собраны все лучшие произведения по литературе, искусству, технике, точным наукам, но не только. Много было здесь для нас нового, необычного, о чем мы не только не имели представления, но и не слышали. А книги были подобраны по принципу целесообразности, чтобы содержащаяся в них информация никому не могла причинить вреда.

(На Орионе была экологическая цензура, что нас потрясло, ведь на Земле добивались её отмены. Но как сказали нам Орионцы, после «Эпохи Войн», что, к великому сожалению были и у них, вопросы Свободы и Ответственности стоят у них на первом месте. Свобода только в сочетании с Высочайшей Ответственностью, а без неё – всё – безответственность и самоволие. И на разные уровни Свободы у них есть строжайшие экзамены и проверки...)

Следующий зал, золотисто-желтый, тоже был прозрачным. Только сад, окружавший его, был совершенно иным. И краски, и формы, но не менее красивый и прекрасный. В этом зале мы слушали музыку, она была неземной, но удивительно прекрасной, рождала в душе необыкновенные чувства. Позже, сколько не старался, не мог напеть эту мелодию, но иногда она мне снилась, после этого я долго испытывал уже знакомые мне ощущения радости, подъёма. Через эту музыку мне было легче воспринимать планету, самих Орионцев, их образ жизни, по-другому видеть всё, что происходило вокруг меня. Через музыку я унёс в себе частичку их души и носил в себе, но объяснить кому-либо это мне казалось невозможным. И, наконец, перед нами распахнулись двери третьего зала, фиолетового. На Орионе уже наступил вечер и в этом зале струился мягкий свет, он шёл отовсюду и ниоткуда. А крупные звёзды над нами, высыпавшие на тёмно-фиолетовом небе, горели ярко, призывно, казались огромными. Это был зал информации и техники, здесь буквально всё было нам незнакомо. Что и говорить, они не только ушли далеко вперед, но и жили совсем в другом информационном измерении.

Так закончился этот незабываемый день на Орионе.¹

Он принёс нам не только новую информацию, новые знания, но и помог внутренне раскрыться, по-иному взглянуть на мир, на нас самих.

Я понял одно – мы неразрывно связаны между собой узами добра, любви, милосердия, сострадания, света...

... – Я обычный врач, моё отличие только в том, что я лечу Землю, которая очень больна, а не людей. Лечить людей, вмешиваться в их карму, я просто не имею права и возможности.

Я вспомнил планеты “Чёрного кольца”. – Чем же больна Земля? Это исключительно экологическая проблема?

– Ни один результат человеческой деятельности не проходит безследно, а особенно мысли. Они не видимы обычным, земным глазом, поэтому люди редко принимают их в расчёт, признавая лишь зримый, видимый мир и не отдавая себе отчёта в том, что творят. Своими мыслями они губят не только себя, но и Землю.

– Да, Алёша, – ответил он снова моим мыслям, – всё очень серьезно!

– Но что же делать, Серк? Как быть?

---

¹ Орион – Созвездие... Довольно молодое... Объединение Светлых, Высокоразвитых Цивилизаций, (Правда там есть и опасные для нас...) А здесь – Планета – Столица ...

– Жить, Алеша. И менять себя. Жить извечными законами добра и мира, любить друг друга и созидать. Это не слова, это выход, который существует всегда, в самой, что ни на есть безвыходной ситуации. И мы должны это суметь, именно для этого мы и собрались все вместе, для этого побывали на Орионе. И пусть тебя не смущает, что нас мало, свет даже одного одинокого сердца неузнаваемо озаряет мир, а если нас будет много... Он не договорил, раздался голос Вика, приглашавший нас вниз...

...Я покидал лабораторию с совсем иными чувствами, спокойный и уверенный, зная, что мне предстоит, и также прекрасно зная, что справлюсь с этой задачей. Нет, это не было чрезмерной, ничем не обоснованной самоуверенностью, отнюдь, скорее, похоже на то, когда человек вдруг узнаёт, что он смертельно болен, и жить ему остается совсем немного. Что он предпримет? Прежде всего, если он не сдался, настраивается на борьбу, самую серьёзную, рассчитывает силы, каждый свой жест, движение, чтобы ничто не пропало даром, и ставит перед собой цель, которую должен выполнить, во что бы то ни стало.

– Оранжерея на корабле – это не только необходимый материал для исследователя, не только наше знакомство со всевозможной и разнообразной флорой космоса, но она обязательна, чтобы поддерживать и создавать необходимую среду на корабле. Она является источником и аккумулятором энергий, здесь мы отдыхаем, возрождаемся к жизни, приходим в себя после длительной работы, ведь многие деревья и цветы – это не только ещё один дополнительный источник энергии, а в космосе её тратится невероятно много, но ещё и источник жизни, без неё невозможно существовать. И чем больше цветов и деревьев вокруг, тем здоровее и полноценнее внутренняя жизнь человека, тем он мягче, нежнее, тоньше, ведь все мы – дети природы, у которой все настолько продумано, взаимосвязано, что не может существовать одно без другого.

– Впрочем, вы тоже уже убедились в этом, Земляне...

Мы долго гуляли с ним в этом сказочном лесу, и я не мог налюбоваться, рассматривая всевозможные деревья, цветы, травы, узнавая те, что видел на Орионе, поражаясь, как прекрасна жизнь в любой форме и как она хрупка. Из моей души ушла печаль, растворилась, я чувствовал, как эти цветы и деревья воскресили меня, заново вдохнули жизнь, а значит и надежду...

И именно в наших руках и силах либо созидать жизнь, творить её, либо опрометчиво разрушать. Но почему нас больше тянет ко второму? Я так и не нашёл ответа.

...Но работа была ещё не закончена. Кий устроил мне своеобразную экскурсию по космосу, рассказывая коротко, в двух словах, о планетах и звёздах, мимо которых мы пролетали, об их уровне жизни, возможностях, разумных существах, населяющих их. Чем-то они все были похожи на нас, людей, красивые и не очень, высокие и маленькие...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.